

Руслан Мурадов, Валерий Никоноров
<https://doi.org/10.26485/AAL/2018/64/3>

АХЕМЕНИДСКИЙ СЛЕД В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ (ОБ ОДНОЙ НАХОДКЕ С ГОРОДИЩА НОВАЯ НИСА)

АБСТРАКТ Летом 2015 г. в пределах городища Новая Ниса (Южный Туркменистан) при случайных обстоятельствах местный житель обнаружил в глубокой промоине, образовавшейся после проливного дождя, фрагмент терракотового изделия, состоящий из двух хорошо стыкующихся друг с другом кусков, который в целом (склеенном) виде имеет 16 см в высоту и 18 см в ширину. На лицевой стороне фрагмента присутствует частичное изображение воина – сохранились только голова и самые верхние части его копья и лука. Он показан стоящим на фоне подобия рельефной сетки, ячейки которой имеют вид ромбов. Изготовленное в специальной форме-матрице, это изображение характеризуется нечетким рисунком со сглаженными краями – матрица, надо полагать, использовалась многократно. Хранится этот артефакт в Музее изобразительных искусств Туркменистана (Ашхабад) под инвентарным номером CH15/HH15/T1.

Наибольший интерес вызывает изображение воина: по своим иконографическим реалиям («гофрированный» головной убор, набор оружия, черты лица, прическа и борода) оно практически полностью совпадает с образами персидских стражей на знаменитых каменных рельефах первой половины V в. до н. э. из Персеполя. Следует отметить, что изображение из Новой Нисы абсолютно уникально: на сегодняшний день оно единственное, происходящее с территории за пределами церемониальной столицы Ахеменидов. Единственное, что отличает его от персепольских рельефов – это фон в виде рельефной сетки из ромбов, который, по всей видимости, представляет собой разновидность геометрического орнамента, который в качестве декора на расписных керамических сосудах появился в Иране еще в эпоху энеолита и продолжал бытовать там в эпоху бронзы, а также позднее – в раннем железном веке, в ахеменидский и эллинистический периоды (этот орнамент определенно использовался как в самом Иране, так и в некоторых соседних областях – Партаве/Парфии, Маргуш/Маргиане и Кавказской Иберии).

Не исключено, что изделие, фрагмент которого нашли в Новой Нисе, было изготовлено в керамической мастерской, располагавшейся где-то неподалеку от Персеполя и каким-то образом связанной с царским двором. Если не вся, то какая-то часть ее продукции была предназначена для поставки в другие области Ахеменидской империи, в том числе и в Партаву, в северной части которой располагался древний город, известный сейчас под названием Новая Ниса.

Вероятность того, что рассматриваемый артефакт является более поздней подделкой, выглядит более чем сомнительной. На его подлинность указывают, помимо прочих соображений, многослойные наросты плесени разных оттенков – от черного до серо-зеленого – на внешних сколах и поверх следов клеящего раствора (?) на оборотной стороне, что наглядно свидетельствует об очень длительном пребывании нашего фрагмента в земле. Вдобавок его сильно фрагментированный вид и (что особенно важно!) факт его обнаружения на территории древнего городища, причем не на поверхности, а, скорее всего в толще культурных напластований, не позволяют, по нашему убеждению, всерьез сомневаться в подлинности этого образца ахеменидского искусства.

Ключевые слова: Новая Ниса, терракотовый фрагмент, Персеполь, каменные рельефы, ахеменидское искусство

ABSRTACT In the summer of 2015, within the ancient site of New Nisa (Southern Turkmenistan), a local resident found by chance, in a deep gully made as a result of a heavy rain a terracotta fragment consisting of two pieces joining well to each other, which in the entire (glued) form has 16 cm in height and 18 cm in width. On the obverse of the fragment there is a partial image of a warrior – only the head and the uppermost parts of his spear and bow are preserved. He is shown standing against the background of what is a relief grid, the cells of which are rhomboid. Being produced in a special form-mould, this image is characterized by a fuzzy pattern with smoothed edges – the mould seems to have been used many times. This artifact is currently stored in the Museum of Fine Arts of Turkmenistan (Ashgabat) under the accession number CH15/HH15/T1.

The warrior's representation on this fragment is of the greatest interest: according to its iconographic realities ("fluted" headdress, a set of weaponry, facial features, hairstyle and beard), it practically coincides with the images of Persian guardsmen on the famous stone reliefs of the first half of the 5th century BC from Persepolis. It is to be noted

that the picture from New Nisa is absolutely unique: until now, this is the only known one coming from the territory outside the Achaemenid ceremonial capital. Just one feature distinguishes it from the Persepolitan reliefs, viz. the background in the form of the relief grid of rhombuses. It is, in all probability, a variety of geometric ornament that emerged as a decor on painted ceramic vessels in Iran as far back as the Aeneolithic era and continued to exist there in the Bronze Age, as well as later on – during the Early Iron Age, Achaemenid and Hellenistic times (this ornament was definitely used both in Iran proper and in some neighboring regions, such as Partava/Parthia, Marguš/Margiana and Caucasian Iberia).

It cannot be ruled out that the product, the fragment of which was found in New Nisa, had been manufactured in a ceramic workshop located somewhere near Persepolis and somehow connected with the royal court. If not all, then some part of its production was intended to be distributed in the other lands of the Achaemenid Empire, including Parthava, in the northern part of which the ancient city known at present under the name of New Nisa was located.

The likelihood that the artifact in question is a later fake looks more than doubtful. Its authenticity is indicated, among other considerations, by the availability of multilayer mouldy growths of different tints – from black to grey-green – on the external chips and over the traces of adhesive (?) on the reverse side, which clearly testify to a very long stay of our fragment in the earth. In addition, its greatly fragmented state and (what is most important!) the fact of its discovery within the territory of the ancient urban settlement, and not on the surface at that, but most likely in the thickness of cultural strata, do not permit, in our conviction, to seriously doubt the authenticity of this specimen of Achaemenid art.

Keywords: New Nisa, terracotta fragment, Persepolis, stone reliefs, Achaemenid art

ABSTRAKT W 2015 r. znaleziono na stanowisku Nowa Nisa (nieдалеко Aszchabadu, Turkmenistan) figurkę terakotową z fragmentem wyobrażeniem wojownika. Sylwetka wojownika podobna jest do przedstawień wojowników pokazanych na datowanych na pierwszą połowę V w. p.n.e. z Persepolis. Przedstawienia z Nowej Nisy jest dziełem wyjątkowym – obecnie jest to jedyne przedstawienie „gwardzisty” pokazanego w Persepolis, tak daleko od ceremonialnej stolicy Achemenidów.

Słowa kluczowe: Nowa Nisa, fragment terrakoty, Persepolis, kamienny relief, sztuka Achemenidów

На юго-западной окраине столицы Туркменистана Ашхабада, возвышаются монументальные руины двух укрепленных городищ, называемых Старая и Новая Ниса (рис. 1; 2). Новая Ниса (рис. 1, 2, 3; 2) обычно рассматривается как главный город Парфии¹ – области коренного обитания древнего ираноязычного народа парфян, которая занимала земли по обе стороны Туркмено-Хорасанских гор с прилегающими к ним участками пустынь Каракумы и Деште-Кевир. Впоследствии, после образования Парфянского государства и его превращения в мировую державу (около середины III – около середины II вв. до н. э.), географический термин «Парфия» стал употребляться также и для обозначения обширной империи Аршакидов².

Археологическое изучение городищ Старая и Новая Ниса было начато в 1930-1936 гг. и в гораздо большем объеме продолжено с 1946 г., когда они стали объектами работ отрядов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Из этих памятников наибольшую известность получила

Старая Ниса, функционировавшая в парфянскую эпоху как резиденция правителей из царского рода Аршакидов, раскопки которой ведутся вплоть до настоящего времени (с перерывом в 1968-1978 гг.)³. Исследование же Новой Нисы, напротив, до сих пор носит лишь эпизодический характер, да и то в виде отдельных сравнительно небольших раскопок и шурфов, из-за чего ее история содержит белые пятна, прежде всего хронологического порядка: так, если достаточно надежно установлено, что город на ее месте просуществовал до начала XIX в., то вопрос о времени появления там древнейшего городского поселения все еще остается открытым⁴.

³ Об истории исследований городища Старая Ниса и их основных итогах см.: Пилипко 1996; 2001; 2011; 2015; Invernizzi, Lippolis 2008; Invernizzi 2010; Lippolis 2011.

⁴ Библиографию работ о Новой Нисе за период с 1813 по 1998 гг. см.: Пилипко 2001: 384-397. О результатах раскопок на этом городище см.: Пилипко 2010; 2015. Предполагается, что здесь город возник не позже раннепарфянского периода, в III-II вв. до н. э. (Пилипко 2010: 85; 2015: 167), однако ввиду явно недостаточной археологической изученности Новой Нисы такая датировка не может считаться окончательной. По всей видимости, не

¹ Пугаченкова 1958: 30; Invernizzi 2010; Пилипко 2015: 172.

² Кошеленко, Пилипко 1985: 209.

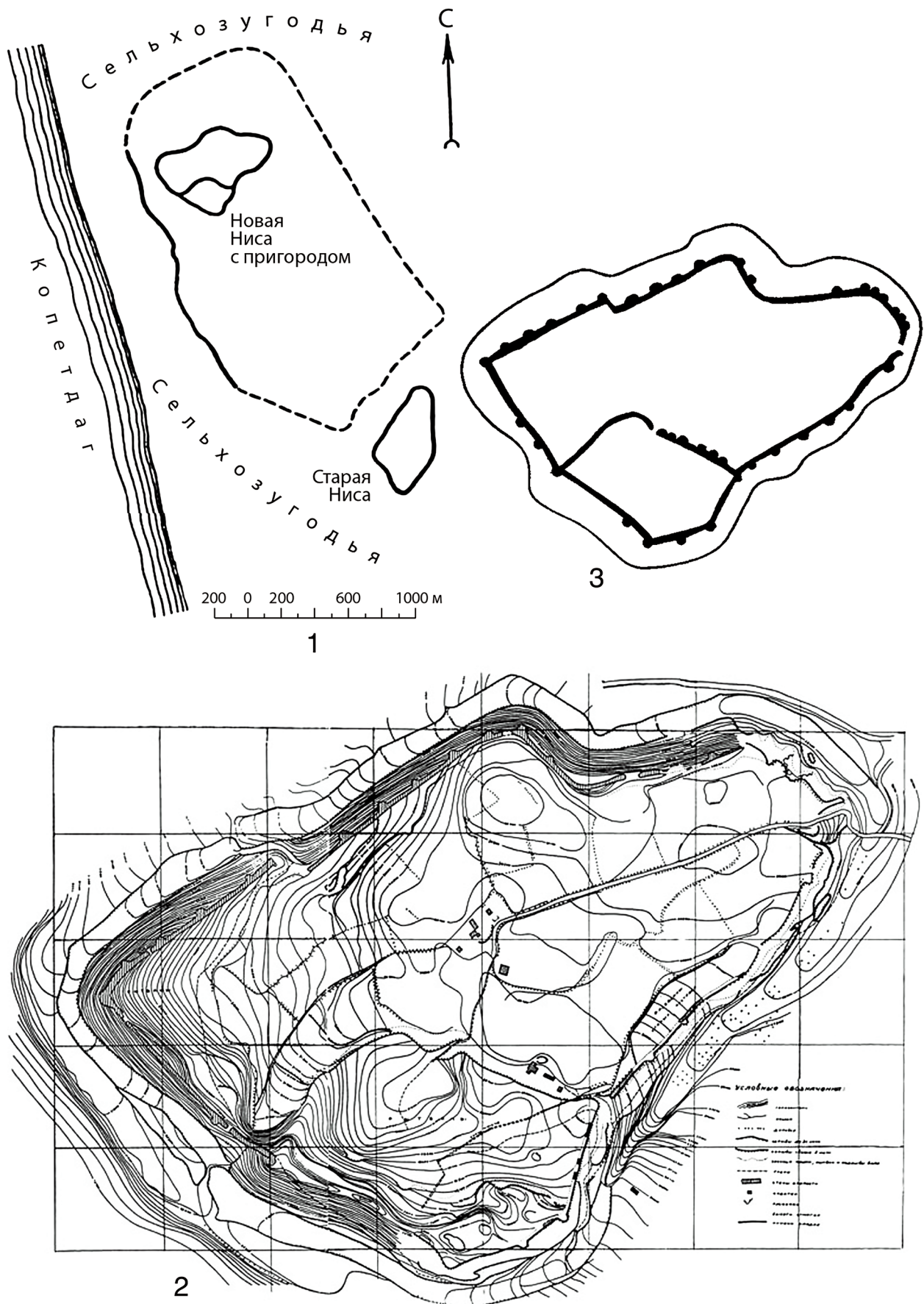

Рис. 1. 1 – схема расположения городищ Новая Ниса и Старая Ниса (источник: Пугаченкова 1958: 30);
 2 – Новая Ниса, топографический план 1936 г. (не в масштабе) (источник: Пилипко 2015: рис. 169);
 3 – схематичный план Новой Нисы (не в масштабе) (источник: Пилипко, Кошеленко 1985: табл. LXXIII, д)

Решению этой проблемы, наряду с отсутствием широкомасштабных и систематических раскопок на Новой Нисе, объективно препятствует и то обстоятельство, что местное население для своих сельскохозяйственных нужд вывозило богатый селитрой грунт с территории городища, нанеся тем самым непоправимый ущерб его культурным слоям.

Летом 2015 г., проходя через Новую Нису, местный житель, принимавший тогда участие в качестве сезонного рабочего в раскопках Туркмено-Итальянской археологической экспедиции на Старой Нисе, случайно обнаружил в глубокой промоине, где из-за проливного дождя обнажился целый стратиграфический срез, фрагмент терракотового изделия, состоящий из двух хорошо стыкующихся друг с другом кусков (рис. 3)⁵. По-видимому, эта находка развалилась на две части в момент ее выемки из грунта или же вскоре после того, поскольку внутренние сколы обоих кусков свежие, а внешние – очень старые и местами покрытые налетом сажи, подобно большей части поверхности оборотной стороны фрагмента. В целом (склеенном) виде фрагмент имеет 16 см в высоту и 18 см в ширину. Его профиль неровный: от тонкой нижней части толщиной 1 см до более толстой верхней толщиной 2,5-3 см, представляющей собой выступающий вперед плоский валик, – по всей вероятности, это часть внешнего обрамления в виде бортика. С обеих сторон изделие было покрыто красным ангобом.

На лицевой стороне фрагмента (рис. 3, 1; 5, 1; 8, 1) присутствует частичное изображение воина – сохранились только голова и самые верхние части его копья и лука. Он показан стоящим на фоне рельефной сетки, ячейки которой имеют вид ромбов. Изготовленное в специальной форме-матрице, это изображение характеризуется нечетким рисунком со сглаженными краями – матрица, надо полагать, использовалась многократно.

Оборотная сторона фрагмента (рис. 3, 2) гладкая, она содержит незначительные следы какого-то раствора, что не исключает вероятность его крепления к стене в качестве облицовочной плитки. Впрочем, исходя из того факта,

---

стоит исключать и более раннее появление поселения (городского типа?) в пределах Новой Нисы (см., например: Пугаченкова 1958: 30), тем более что публикуемая в настоящей статье находка с территории этого городища относится к допарфянскому времени.

⁵ Нижеследующее описание находки сделано Р.Г. Мурадовым на основе личного ее обследования.

что профиль фрагмента имеет незначительную выпуклость, можно предположить, что это скорее была часть какого-то контейнера типа ларца – дарохранильницы или (что, однако, маловероятно) оссуария⁶. Разумеется, это не более чем гипотеза, ибо установить форму изделия в целом виде и его функциональное назначение по столь небольшому фрагменту не представляется возможным.

Сразу же после своего обнаружения этот артефакт был передан Карло Липполису, руководителю Туркмено-Итальянской экспедиции на Старой Нисе, а тот, в свою очередь, сдал его на хранение в Музей изобразительных искусств Туркменистана (Ашхабад), где он поныне и находится под инвентарным номером СН15/НН15/Т1. Именно там этот фрагмент впервые увидел в 2017 г. один из соавторов настоящей статьи, Р.Г. Мурадов, который тут же обратился по email к К. Липполису с просьбой прояснить ситуацию с появлением этого экспоната в Музее. Ниже имеет смысл привести текст ответного письма нашего уважаемого итальянского коллеги (оно датировано 12 ноября 2017 г.):

«Дорогой Руслан,

Эта терракота происходит не из итальянских раскопок, я лишь передал ее в Музей. Рабочий принес ее мне, сказав, что нашел ее на Новой

---

⁶ Дело в том, что до сих пор в Северной Парфии (подгорной полосе к северу от Копетдага) археологи не обнаружили никаких следов оссуарных погребений (Крашенинникова 1978: 125; Пилипко 2015: 379). Оссуарии, в том числе и с художественным декором, были найдены в расположенной к востоку от Парфии Маргиане – на некрополе Мунон-депе, который датируется не позднее I в. н. э. (Кошеленко, Оразов 1965; Литвинский 1983: 104), и в захоронениях позднеасанидского периода, открытых возле современного города Байрамали (Ершов 1959). Хорошо известны они также и в Хорезме античного времени (Дурдыев 1956: 96-99; Рапопорт 1971), не говоря уже об эпохе раннего средневековья, когда оссуарный обряд погребения получает широкое распространение также в Согде и других областях западной части Центральной Азии (правда, опять-таки за исключением Парфии) (Байпаков и др. 2017).

Даже если допустить, что терракотовое изделие из Новой Нисы попало туда из ахеменидского Ирана (а именно так мы и полагаем, см. ниже), то при этом следует иметь в виду, что самые ранние из известных иранских оссуариев (из Персеполя, Сакавенда и окрестностей озера Урмия) относятся уже к послеахеменидскому времени (Дандамаев 2013: 299; об оссуариях из Ирана см. также: Huff 2004: 594, 601, 602, 607, 609, 613).

1

2

Рис. 2. 1 – наружный вид городища Новая Ниса (фото М.Я. Ольбрыхта, 2009 г.);
2 – внутренний вид Новой Нисы (фото В.П. Никонорова, 2011 г.)

Нисе после сильного ливня. У меня не было возможности изучить ее подробно, и я спросил некоторых других моих коллег (специализирующихся на ахеменидском периоде): это подлинник или подделка?

Сюжет однозначно ахеменидский (и детали точны), но некоторые черты выглядят странными (например, фон: это шатер или что-то еще?). По мнению некоторых моих коллег, это может быть подлинным изделием, для других же (и среди них Джудит Лёрнер⁷) – это, по всей вероятности, «современное» воспроизведение. Когда я говорю «современный», то имею в виду прошлого века...

Было бы интересно узнать, не располагалось ли поблизости Багира или Ашхабада в XIX в. производство такого вида терракоты (архитектурной?) или сосуда/вазы (для цветов) с подобным украшением...

На текущий момент у меня нет иной информации. С другой стороны, отсутствуют какие-либо свидетельства о наличии на Новой Нисе ахеменидских культурных слоев, и может показаться странным (но также и интересным), что этот предмет происходит оттуда...

Всего самого наилучшего,
Карло».

Итак, из процитированного выше письма обстоятельства обнаружения терракотового фрагмента на Новой Нисе в общем-то ясны (и уже изложены нами выше): случайно найденный после проливного дождя в одной из глубоких промоин, он был передан К. Липполису работавшим в возглавляемой им экспедиции жителем Багира (так называлось село рядом с нисийскими городищами, которое теперь вошло в административные границы Ашхабада). С помощью К. Липполиса нам удалось установить точное место находки: это промоина, образовавшаяся почти посередине северного фасада крепостной стены Новой Нисы, с ее внешней стороны, в том месте, где стена имеет почти двадцатиметровый излом.

Вопрос о подлинности нашего фрагмента мы затронем ниже, пока же вернемся к рассмотрению образа воина на его лицевой стороне (рис. 3, 1; 5, 1; 8, 1). К. Липполис совершенно прав, назвав его в своем письме ахеменидским, – это первое, что сразу же приходит на ум, когда смотришь на этот персонаж (вернее на то, что

Рис. 3. Керамический фрагмент из Новой Нисы в склеенном состоянии: виды спереди (1) и сзади (2) (фото Р.Г. Мурадова, 2018 г.)

от него сохранилось). По таким иконографическим признакам, как «гофрированный» головной убор, набор оружия, черты лица, прическа и борода, он практически идентичен изображениям некоторых стражей-гвардейцев на знаменитых каменных рельефах первой половины V в. до н. э.⁸ из монументальных сооружений

⁸ По мнению Н. В. Секунды, персепольские рельефы отражают одеяния и воинское снаряжение изображенных на них персонажей не позже последних десятилетий VI в. до н. э. (Sekunda 1992: 12-13), но с этим трудно согласиться, поскольку строительство наиболее грандиозных церемониальных и дворцовых сооружений в Персеполе было начато в последние годы жизни Дария I (умер в 486 г. до н. э.) и в основном завершено при его сыне и наследнике Ксерксе, убитом в 465 г. (Roaf 1983: 138-140, 157-158; Дандамаев 2013: 217-220). Надо полагать, что украшавшие эти сооружения рельефы демонстрируют нам реалии именно первой половины V в. до н. э.

⁷ Джудит Лёрнер (Judith A. Lerner) – известный американский специалист в области искусства иранских народов доисламского времени.

1

2

Рис. 4. Персидские стражи-«лучники» на рельефах в Персеполе: 1 – западный фасад южной лестницы Трипиллона (Зала Совета) (источник: Schmidt 1953: pl. 84); 2 – восточная лестница Ападаны (источник: Ghirshman 1964: fig. 217)

ахеменидских царей Дария I и Ксеркса в их церемониальной резиденции в Персеполе, построенной в Парсе (Персиде) на юге Ирана (современная провинция Фарс). По своему вооружению эти стражи делятся на три группы – в первую входят те, кто оснащены копьем и луком (условно назовем их «лучники») (рис. 4; 5, 2-5; 7, 1, 4; 8, 7)⁹, во вторую – только копьем («копьеносцы») (рис. 6, 1)¹⁰ и в третью – копьем и щитом

⁹ Schmidt 1953: pls. 23, A; 24, A; 50; 56, A, C; 59; 64, A, B; 65, C; 83; 84; 87; 100; 101; 130, A, B; 160; 162, B; 165, B; 201, A, B; Ghirshman 1964: figs. 216, 217, 219, 236, 254; Roaf 1983: fig. 4; pls. II-VII, XV-XVII, XX, XXI, XXVIII, XLI, XLIVc; Koch 1992: Abb. 96; Boardman 2003: Taf. 5, 7, 11; Abb. 4. 14b; Curtis, Tallis 2005: 71-72, cat. 27-29.

¹⁰ Schmidt 1953: pls. 22; 23, B; 24, B, C; 26, A, B; 55, A; 56, B, D; 70, C; 71, B; 98-101; Ghirshman 1964: fig. 254; Roaf 1983: pls. XVIIa, b, d, XXIII, XXIX-XXXI; Koch 1992: Abb. 96; Boardman 2003: Taf. 6, 7; Abb. 3. 1; 4. 11; 4. 14b; Curtis, Tallis 2005: 73, cat. 32.

(«щитоносцы») (рис. 6, 2)¹¹. По данному признаку воин на терракоте из Новой Нисы принадлежит к первой группе – «лучникам».

Гвардейцы этих трех групп представляют персидский этнос, все они показаны облаченными в одинаковые длинные халаты с длинными и широкими рукавами¹² и имеющими головные уборы цилиндрической формы с «гофрированной» поверхностью¹³. Представители двух других народов, которые также, согласно персепольским рельефам, были задействованы на службе в ахеменидской царской гвардии, – мидийцы и эламиты (сузианцы) – по своему внешнему виду имеют определенные отличия от персов. Мидийцы одеты в так называемый мидийский костюм, состоящий из длинной, подпоясанной ремнем рубахи с длинными рукавами и плотно облегающих штанов¹⁴; они носят высокие куполообразные шапки и вооружены, помимо стандартного для царских стражей всех этнических групп копья длиной выше человеческого роста, коротким мечом-акинаком, подвешенном к поясу на правом боку, и закрытым футляром-горитом для хранения лука и стрел, висящем слева (рис. 7, 2, 3)¹⁵.

Эламиты на рельефах из Персеполя и Суз вооружены подобно персидским «копейщикам» и «лучникам» и одеты в ту же одежду, что и персы¹⁶ (которая, возможно, эламского происхожде-

¹¹ Schmidt 1953: pls. 22; 25, A; 26, A; 63; 69; 100; 101; Ghirshman 1964: figs. 211, 238, 254; Roaf 1983: pls. I, XVIIIc, XXII, XLII; Koch 1992: Abb. 96, 180; Boardman 2003: Taf. 6, 7; Abb. 4. 11; 4. 14b; Curtis, Tallis 2005: 72, cat. 30.

¹² Об этих нательных одеяниях см.: Thompson 1965; Beck 1972; Head 1992: 20; Shahbazi 1992.

¹³ Об этих головных уборах см.: Thompson 1965: 125; Barnett 1967: 3001-3006; Shahbazi 1992.

¹⁴ Об одежде «мидийского» стиля см.: Widengren 1956: 228-241; Stronach 2011; Bittner 1987: 180-198; Calmeyer 1987: 11-12; Head 1992: 20-22. Термин «мидийский» в данном случае чисто условный, не несущий никакой этнической смысловой нагрузки, поскольку «мидийские» одеяния были характерны для многих древних народов, в первую очередь иранского происхождения (о региональных различиях «мидийского» костюма см.: Vogelsang 1992: 136-143).

¹⁵ Schmidt 1953: pls. 62, 64, A, B; 65, 100, 101; Ghirshman 1964: figs. 236, 237, 254; Koch 1992: Abb. 96, 180; Boardman 2003: Taf. 7.

¹⁶ Правда, одежда персидских и эламских стражей на персепольских рельефах внешне проста по своему оформлению (рис. 7, 1, 4, 5-7), тогда как халаты эламских гвардейцев, изображенных на

ния), но у них нет головных уборов, а волосы на их головах перехвачены заплетенной лентой (рис. 7, 5-9)¹⁷.

Рис. 5. 1 – фрагмент из Новой Нисы (см. рис. 3, 1); 2-5 – персидские стражи-«лучники» на персепольских рельефах (источники: Roaf 1983: pl. XXIa, XVIIa; Schmidt 1953: pl. 87A; Curtis, Tallis 2005: 71, cat. 27)

Особо отметим, что публикуемое изображение из Южного Туркменистана абсолютно уникально, ибо на сегодняшний день оно единственное, происходящее с территории за пределами Персеполя. Конечно же, речь не идет об абсолютном тождестве образов воинов из Новой Нисы и Персеполя: в отличие от последних, у первого (рис. 3, 1; 5, 1; 8, 1) мы видим не столь тщательно проработанные детали прически

и бороды; очертания наконечника его копья также несколько стилизованы (ср.: рис. 8, 2-б), как и оформление верхнего конца лука, наверняка стилизованного под голову птицы (утки, орла или сокола), как и на луках стражей из Персеполя (см., например: рис. 8, 7)¹⁸. Впрочем, подобные расхождения не носят принципиального характера и обусловлены разными техническими возможностями передачи одних и тех же образов в камне и глине.

Пожалуй, единственное, что серьезно отличает изображение на фрагменте изделия из Новой Нисы от персепольских рельефов – это фон в виде рельефной сетки из ромбов. Как же интерпретировать этот декоративный элемент? Как бы то ни было, вряд ли таким способом передан наружный вид царского шатра типа юрты¹⁹, как будто бы охраняемого нашим стражем: в самом деле, ромбическая сетка в таком случае может означать только голый деревянный каркас шатра, который в реальности должен был быть наглухо закрыт войлочными покровами и по этой причине остаться невидимым для зрителя (рис. 8, 11). К тому же остается непонятной и роль наложенного на ромбический фон равнобедренного гладкого (без какого-либо узора) треугольника с опущенной вниз вершиной, который частично закрыт головой стража.

Более правдоподобной выглядит другая интерпретация рассматриваемого фона изображения: он представляет собой разновидность геометрического орнамента, который, по-видимому, восходит к декору в виде ряда (рядов) треугольников, орнаментированных ромбической сеткой, причем пустоты между ними не заполнены никакими узорами. Таким декором с древнейших времен расписывались керамические сосуды как на территории Иранского плато, так и в прилегающих к нему регионах. В самом Иране этот орнамент был известен еще с эпохи энеолита (рис. 8, 12)²⁰ и бронзы (рис. 8, 13, 14)²¹; в раннем железном веке он использовался

¹⁸ Такое оформление концов своих луков персы, по всей вероятности, заимствовали у ассирийцев (рис. 8, 8-10) (Zutterman 2003: 128, fig. 2, 5-7).

¹⁹ Предположение, высказанное в письме К. Липполиса (см. выше). О древних шатрах-юртах и их конструкции см.: Нечаева 1975; Вайнштейн 1976; Vainshtein 1979; Кузьмина, Лившиц 1987; Филлипс 2003: 23-26.

²⁰ Potts et al. 2009: figs. 3.84, TNP 1318; 3.156, TNP 1318.

²¹ Potts et al. 2009: fig. 3.116, TNP 28; Hamlin 1974: fig. XIV, d.

глазурованных кирпичных панелях из Суз, отличаются богатым декором (рис. 7, 8, 9).

¹⁷ Schmidt 1953: pls. 50, 51, 58, 59; Ghirshman 1964: figs. 190, 218; Roaf 1983: pls. VIII-X, XXIV, XXVb-c; Bittner 1987: Taf. 2, 3; 3, 2; Harper et al. 1992: 226-228, cat. 155, 156; Koch 1992: Taf. 7; Abb. 81; Boardman 2003: Abb. 3. 33; Curtis, Tallis 2005: 73, cat. 33; 87, 88, cat. 51, 52.

1

2

Рис. 6. Персидские стражи на рельефах в Персеполе: 1 – «копейщики», восточная лестница Ападаны (источник: Schmidt 1953: pl. 26, B); 2 – «щитonosцы», центральный фасад главной лестницы Трипилон (Зала Совета) (источник: Schmidt 1953: pl. 63)

в Партаве (Парфии) (рис. 8, 15-17)²² и Маргуше (Маргиане) (рис. 8, 18)²³, а в ахеменидский и эллинистический периоды его применение надежно засвидетельствовано для Ирана (рис. 8, 19-22)²⁴ и Кавказской Иберии (рис. 8, 23, 24)²⁵. Можно предположить, что декор фона, который мы видим на терракотовом рельефе из Новой Нисы, является вариантом данного орнамента.

Не исключено, что найденное в Новой Нисе изделие было изготовлено в керамической мастерской, располагавшейся где-то рядом

с Персеполем²⁶ (или во всяком случае в Парсе) и каким-то образом связанной с царским двором. Такая мастерская, вероятно, должна была иметь позволение выпускать продукцию, декорированную с использованием символики и образов, запечатленных в официальном искусстве Ахеменидов. Если не вся, то какая-то часть этой продукции была предназначена для поставки в другие части Ахеменидской империи, в том числе и в Партаву (Парфию) – область, северная часть которой находилась в пределах современного Юго-Западного Туркменистана, где и располагался древний город, чьи руины носят сейчас название Новая Ниса.

²² Pumpelly 1908: pl. 35, 8; Пилипко 2015: рис. 17, 4; 24, 2; Bendezu-Sarmiento, Lhuillier 2011: 238, 243, 245.

²³ Массон 1959: рис. 34.

²⁴ Stronach 1978: fig. 116, 1; Ghirshman 1976: pl. 49, GMIS. 520, 605; Haerinck 1978: fig. 7, 1; 1983: figs. 2, 5; 20, 6.

²⁵ Narimanishvili, Shatberashvili 2004: figs. 1; 3, 1, 4, 5; 7, 1; 8, 4, 6; 9, 6; 23, 11; 25, 15; 30, 14; 31, 11.

²⁶ О том, что в районе Персеполя действительно существовали ремесленные мастерские, свидетельствуют результаты археологических исследований на Персепольской равнине, где были обнаружены следы деятельности каменщиков и мастеров по производству глазурованных кирпичей (см.: Sumner 1986: 8-10, 12).

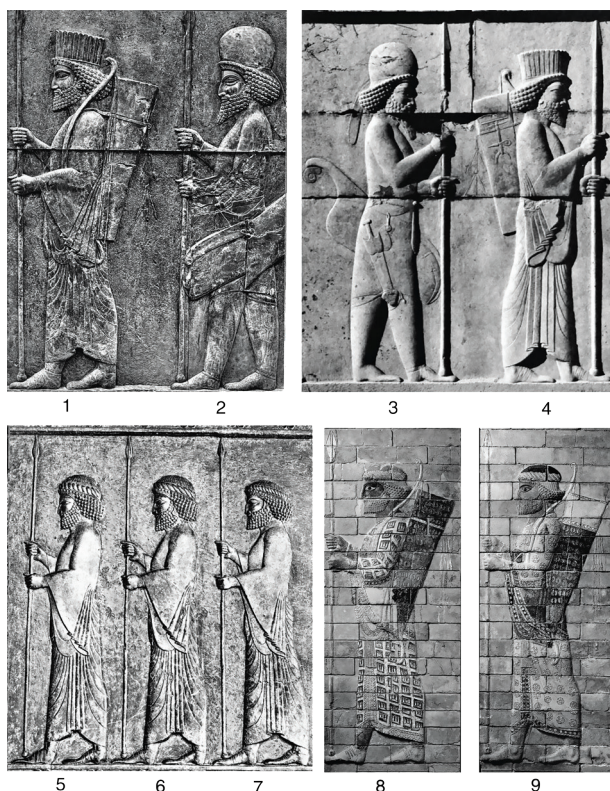

Рис. 7. Персидские (1, 4), мидийские (2, 3) и эламские (5-9) стражи на рельефах из Персеполя (1-7) и Суз (8, 9) (источники: Ghirshman 1964: figs. 218, 236; Schmidt 1953: pl. 65, C; Harper et al. 1992: 226)

Естественно, сам собой напрашивается вопрос об аутентичности терракотового фрагмента из Новой Нисы, особенно в свете того, что сомнение в его подлинности уже выразили такие крупные авторитеты в области иранской археологии, как Дж. Лёрнер²⁷ и В. Н. Пилипко²⁸. По нашему мнению, вероятность того, что этот артефакт является более поздней подделкой, все же весьма сомнительна. Действительно, трудно представить, чтобы в Туркменистане, где никогда не существовало какого-либо серьезного рынка поддельного антиквариата²⁹, было налажено

²⁷ См. процитированное выше письмо К. Липполиса Р.Г. Мурадову.

²⁸ Это мнение высказано В.Н. Пилипко в его частной беседе с Р.Г. Мурадовым.

²⁹ В самом деле, нет никаких более или менее достоверных сведений о существовании производства поддельных древностей и рынка их сбыта в досоветском и советском Туркменистане. Для современного периода, согласно информации, которой располагает Р.Г. Мурадов, известны два факта производства подделок древних артефактов. Так, в 1990-е гг. некий отставной военный из города Мары занимался

производство фальшивок, копирующих древние памятники искусства, которые локализованы исключительно в Персеполе (находящемся к тому же на расстоянии более 1000 км к югу от Новой Нисы) и больше нигде. Помимо того, следы горения и наросты плесени разных оттенков – от черного до серо-зеленого – на внешних сколах и поверх следов клеящего раствора на оборотной стороне наглядно свидетельствуют об очень длительном пребывании нашего фрагмента в земле. Вдобавок, его сильно фрагментированный вид и (что особенно важно!) факт его обнаружения на территории древнего городища, причем не на поверхности, а, судя по всему, в толще культурных напластований, не позволяют, по нашему убеждению, всерьез сомневаться в подлинности этого образца ахеменидского искусства. Само собой разумеется, прояснению этого

изготовлением псевдоэллинистических монет, которые потом сбывал через своих помощников иностранным туристам. Р.Г. Мурадов сам видел эти фальшивки на ашхабадской толкучке, всплывали они даже в московском Измайлово. Следует признать, что у марыйского фальшивомонетчика неплохо получалось – он даже патину научился делать, но опытный глаз, конечно же, сразу разоблачал такую «продукцию». В частности, его подделки высмеивал ныне покойный ашхабадский археолог и нумизмат С.Д. Логинов. Впрочем, туристы охотно покупали эти фальшивки. Потом их изготовитель куда-то исчез – может быть, уехал из Туркменистана.

Второй факт: около 2000 г. выдающийся российский археолог, академик Академии наук Республики Туркменистан В.М. Массон показал Р.Г. Мурадову фотографии так называемых составных статуэток из стеатита с мраморными вставками, имитирующих знаменитые фигурки идольчиков из Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), которые ему кто-то приносил на экспертизу. Тогда они оба дружно посмеялись над этими подделками, потому что резчик хотя и правильно передал пышные формы самих идольчиков, но вместо платья *кенуакес* изобразил нагрудные накладные воротники (туркм. *yaka*) – как на обычном женском костюме современных туркменских женщин. Возможно, это была наивная попытка продемонстрировать седую древность национальной туркменской одежды.

Ну и, конечно же, в данной связи нельзя не упомянуть, что сейчас в Туркменистане массовый характер приобрело изготовление сувениров в виде терракотовых статуэток богинь, найденных при раскопках Алтын-депе, а также маргианских богинь и печатей-амулетов эпохи бронзы, однако это не точные их копии, а вольные интерпретации, которые к тому же продаются за копейки в отелях и на базарах всем желающим именно как сувениры, а не как предметы далекой старины.

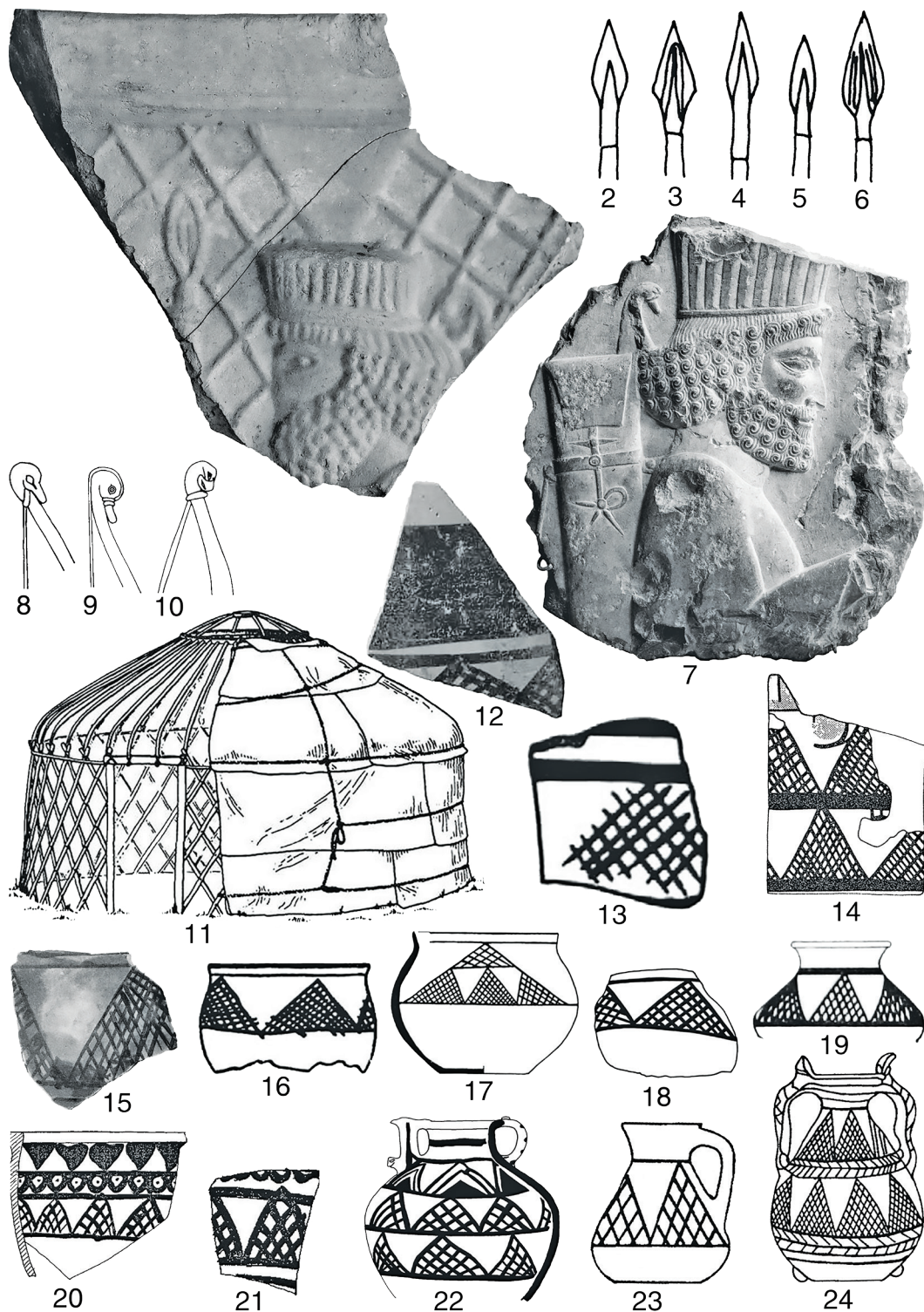

Рис. 8. 1 – фрагмент из Новой Нисы (см. рис. 3, 1); 2-6 – прорисовки наконечников копий персепольских стражей (источник: Roaf 1983: fig. 80); 7 – персидский страж-«лучник» на фрагменте рельефа из Персеполя (источник: Адамова, Никитин 2004: 27); 8-10 – детали изображений луков в новоассирийском искусстве (источник: Zutterman 2003: fig. 2, 5-7); 11 – схема устройства монгольской юрты (источник: Филлипс 2003: рис. 2); 12-24 – расписная керамика из Ирана и сопредельных территорий (не в масштабе): 12, 13 – Толе-Нурабад (Юго-Западный Иран), соответственно V и II тыс. до н. э. (источник: Potts et al. 2009: fig. 3.156, TNP 1318; 3.116, TNP 28); 14 – Динха-тепе (Северо-Западный Иран), II тыс. до н. э. (источник: Hamlin 1974: fig. XIV, d), 15-18 – Анау, Дашлы-30, Елькен-депе и Яз-депе (Южный Туркменистан), XIII-X вв. до н. э. (источники: Pumpelly 1908: pl. 35, 8; Пилипко 2015: рис. 17, 4; 24, 2; Массон 1959: рис. 34), 19-21 – Пасаргады и Месджеде-Солейман (Юго-Западный Иран), IV-III вв. до н. э. (источники: Stronach 1978: fig. 116, 1; Ghirshman 1976: pl. 49, GMIS. 520, 605), 22 – Яник-тепе (Северо-Западный Иран), V-II вв. до н. э. (источник: Haerinck 1978: fig. 7, 1), 23, 24 – Иберия (современная Восточная Грузия), V-III вв. до н. э. (источник: Narimanishvili, Shatberashvili 2004: figs. 1, 7; 3, 5)

вопроса поспособствовали бы как подробный опрос человека, нашедшего терракотовый фрагмент, так и тщательное обследование того места, где он был обнаружен, однако следует признать, что реальность осуществления таких дополнительных разысканий пока маловероятна.

Как бы то ни было, приведенные выше аргументы в пользу подлинности находки из Новой Нисы кажутся нам достаточно весомыми, и остается только надеяться, что контрдоводы наших возможных оппонентов будут столь же обоснованными, сколь и конструктивными.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, что обнаружение терракотового фрагмента с изображением персидского гвардейца V в. до н. э. именно на Новой Нисе, стратиграфия которой до сих пор остается неясной, вполне позволяет поставить вопрос о существовании там поселения уже во времена Ахеменидов. Впрочем, решить эту проблему помогут только серьезные по своим масштабам стратиграфические исследования, которые, хотелось бы надеяться, рано или поздно будут проведены на этом городище, заслуживающем, вне всякого сомнения, самого пристального внимания со стороны археологов.

Список сокращений

- ПИКТ М.А. Mämmedow (red.). Türkmenistanyň taryhy we medeni ýadygärlikleri (Garaşsyzlygyň 20 ýyly içinde edilen ylmy açyşlar, öwreniş we rejeleýiş işleri) = Historical and Cultural Sites of Turkmenistan (Discoveries, Researches and Restoration for 20 Years of Independence) = Памятники истории и культуры Туркменистана. (научные открытия, исследовательские и реставрационные работы за 20 лет независимости). Aşgabat, 2011.
- ТИИАЭ Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
- ЕІг Е. Yarshater (ed.). Encyclopædia Iranica. London, etc.
- ІА Iranica Antiqua. Leiden, Gent.

Литература

- Адамова Т.А., Никитин А.Б. (сост.). 2004. *Иран в Эрмитаже: Формирование коллекций. Каталог выставки*. Санкт-Петербург.
- Байпаков К.М., Бердимуродов А.Э., Богомолов Г.И., Горячева В.Д., Терновая Г.А., Якубов Ю.Я. 2017. *Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. II: Зороастризм и верования маздеистского круга*. Самарканд.
- Вайнштейн С.И. 1976. *Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии*, “Советская этнография”, № 4, Москва, 42-62.
- Дандамаев М.А. 2013. *Ахеменидская империя: социально-административное устройство и культурные достижения*. Санкт-Петербург.
- Дурдыев Д. 1956. *Античные памятники Таашузской области Туркменской ССР*, ТИИАЭ, т. II, 87-106.
- Ершов С.А. 1959. *Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954-1956 гг.)*, ТИИАЭ, т. V, 160-204.
- Кошеленко Г.А., Оразов О. 1965. *О погребальном культе в Маргиане в парфяно-бактрийское время*, Вестник древней истории, № 4, Москва, 42-56.
- Крашенинникова Н.И. 1978. *Некоторые наблюдения на некрополе Парфавнисы*. В: О.В. Обельченко (ред). *История и археология Средней Азии*. Ашхабад, 115-127.
- Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А. 1987. *Еще раз о происхождении юрты*. В: В.А. Ранов (ред.). *Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография)*. Душанбе, 243-250.
- Литвинский Б.А. 1983. *Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (к вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях)*. В: Б.А. Литвинский (ред.). *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности*. Москва, 81-123, 163-180.
- Массон В.М. 1959. *Древнеземледельческая культура Маргианы*. Москва, Ленинград (Материалы и исследования по археологии СССР, № 73).
- Нечаева Л.Г. 1975. *О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.)*. В: М.Г. Рабинович (ред.). *Древнее жилище народов Восточной Европы*. Москва, 7-49.
- Пилипко В.Н. 1996. *Старая Ниса. Здание с квадратным залом*. Москва.
- Пилипко В.Н. 2001. *Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период*. Москва.

- Пилипко В.Н. 2010. *Стратиграфия и топография городища Новая Ниса*. В: С.Б. Болелов (ред.). *Древние цивилизации на Среднем Востоке: Археология, история, культура (Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной)*. Москва, 84-86.
- Пилипко В.Н. 2011. *Раскопки Башенного сооружения на городище Старая Ниса*. В: ПИКТ, 264-277.
- Пилипко В.Н. 2015. *Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана*. Санкт-Петербург.
- Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. 1985. *Северная Парфия*. В: Г.А. Кошеленко (ред.). *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. Москва, 209-225, 361-377.
- Пугаченкова Г.А. 1958. *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. Москва (Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. VI).
- Рапопорт Ю.А. 1971. *Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии)*. Москва (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. VI).
- Филлиппс Э.Д. 2003. *Монголы. Основатели империи Великих ханов*. Москва.
- Barnett R.D. 1967. *Assyria and Iran: the Earliest Representations of Persians*. In: A.U. Pope, Ph. Ackerman (eds.). *A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. XIV: New Studies 1938-1960. Proceedings, the IVth International Congress of Iranian Art and Archaeology, Pt. A. April 24 – May 3, 1960*. Tehran, London, New York, Tokyo, 2997-3007.
- Beck P. 1972. *A Note on the Reconstruction of the Achaemenid Robe*, IA, vol. IX, 116-122.
- Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J. 2011. *Iron Age in Turkmenistan: Ulugdepe in the Kopetdagh Piedmont*. In: ПИКТ, 239-249.
- Bittner S. 1987. *Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achämeniden, 2-e, verbess. und erweit. Aufl.* München, 1987 (*Interdisziplinäre Wissenschaft*, Bd. 1).
- Boardman J. 2003. *Die Perser und der Westen: Eine archäologische Untersuchung zur Entwicklung der Achämenidischen Kunst*. Mainz am Rhein (*Kulturgeschichte der antiken Welt*, Bd. 96).
- Calmeyer P. 1987. *Greek Historiography and Achaemenid Reliefs*. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt (eds.). *Achaemenid History II: The Greek Sources. Proceedings of the Groningen 1984 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 11-26.
- Curtis J., Tallis N.(eds.). 2005. *Forgotten empire: The world of Ancient Persia*. London.
- Ghirshman R. 1964. *The Art of Ancient Iran: From its Origins to the Time of Alexander the Great*. New York.
- Ghirshman R. 1976. *Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au I^e s. de n. ère, avec la collaboration de T. Ghirshman et H. Gasche; inscriptions élyméennes par J. Harmatta*. Vols. I-II. Téhéran.
- Haerincq E. 1978. *Painted Pottery of the Ardabil Style in Azerbaidjan (Iran)*, IA, vol. XIII, 75-91.
- Haerincq E. 1983. *La céramique en Iran pendant la période parthe (ca. 250 av. J.C. – ca. 225 après J.C.): Typologie, chronologie et distribution*. Gent, 1983 (IA, Suppl. II).
- Hamlin C. 1974. *The Early Second Millennium Ceramic Assemblage of Dinkha Tepe, "Iran"*, vol. XII, London, 125-153.
- Harper P.O., Aruz J., Tallon F. (eds.). 1992. *The Royal City of Susa: Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. New York.
- Head D. 1992. *The Achaemenid Persian Army*. Stockport.
- Huff D. 2004. *Archaeological Evidence of Zoroastrian Funerary Practices*. In M. Stausberg (ed.). *Zoroastrian Rituals in Context*. Leiden (*Numen Book Series. Studies in the History of Religions*, vol. CII), 593-630.
- Invernizzi A. 2010. *Nisa, Elr* [available online at: <http://www.iranicaonline.org/articles/nisa> (accessed on 25 December 2018)].
- Invernizzi A., Lippolis C. (cur.). 2008. *Nisa Partica. Ricerche nel complesso monumentale arsacide 1990-2006*. Firenze (*Monografie di Mesopotamia*, IX; *Centro Ricerche Archeologiche e Scavi di Torino per il Medio Oriente e l'Asia. Missione in Turkmenistan*, I).
- Koch H. 1992. *Es kündet Dareios der König ...: Vom Leben im persischen Großreich*. Mainz/Rhein (*Kulturgeschichte der antiken Welt*, Bd. 55).
- Lippolis C. 2011. *Old Nisa: the Turkmen-Italian Archaeological Project*. В: ПИКТ, 286-301.
- Narimanishvili G., Shatberashvili V. 2004. *Red-Painted Pottery of the Achaemenid and Post-Achaemenid Periods from Caucasus (Iberia): Stylistic Analysis and Chronology*, "Ancient Near Eastern Studies", vol. 41, Louvain, 120-166.
- Potts D.T., Roustaei K., Petrie C.A., Weeks L.R. (eds.). 2009. *The Mamasani Archaeological Project Stage One: A report on the first two seasons of the ICAR – University of Sydney*

- expedition to the Mamasani District, Fars Province, Iran by Members of the Mamasani Archaeological Project Team*. 2nd ed. Oxford (BAR International Series, 2044).
- Pumpelly R. (ed.) 1908. *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau: Origins, Growth, and Influence of Environment*. Vol. I. Washington (Carnegie Institution of Washington Publication no. 73/1).
- Roaf M. 1983. *Sculptures and Sculptors at Persepolis*. London ("Iran", vol. XXI).
- Schmidt E.F. 1953. *Persepolis. Vol. I: Structures. Reliefs. Inscriptions*. Chicago (The University of Chicago Oriental Institute Publications, vol. LXVIII).
- Sekunda N. 1992. *The Persian Army, 560-330 B.C.* London (Osprey Military Elite Series, 42).
- Shahbazi Sh. 1992. *Clothing. ii. In the Median and Achaemenid periods*, EIr, vol. V, 723-737 [available online at: <http://www.iranicaonline.org/articles/clothing-ii> (accessed on 25 December 2018)].
- Stronach D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford.
- Stronach D. 2011. *Court Dress and Riding Dress at Persepolis: New Approaches to Old Questions*. In: J. Alvarez-Mon, M.B. Garrison (eds.). *Elam and Persia*. Winona Lake, 475-487.
- Sumner W.M. 1986. *Achaemenid Settlement in the Persepolis Plain*, "American Journal of Archaeology", vol. 90, no. 1, Boston, 3-31.
- Thompson G. 1965. *Iranian Dress in the Achaemenian Period. Problems concerning the Kandys and other garments*, "Iran", vol. III, London, 121-126.
- Vainshtein S.I. 1979. *Problems of the History of the Dwellings of the Steppe Nomads of Eurasia*, "Soviet Anthropology and Archeology", vol. 18, no. 1, White Plains, 50-83.
- Vogelsang W.J. 1992. *The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence*. Leiden, New York, Köln (Studies in the History of the Ancient Near East, vol. III).
- Widengren G. 1956. *Some Remarks on Riding Costume and Articles of Dress among Iranian Peoples in Antiquity*, "Studia Ethnographica Upsaliensia", XI, Uppsala, 228-276.
- Zutterman Chr. 2003. *The Bow in the Ancient Near East: A Re-evaluation of Archery from the Late 2nd Millennium to the End of the Achaemenid Period*, IA, vol. XXXVIII, 119-165.

Руслан Гельдыевич Мурадов
Независимый исследователь
turkmenica@yandex.ru

Валерий Павлович Никоноров
Институт истории материальной культуры
Российской Академии Наук
vpnikonorov@mail.ru